

*Уланов Михаил, иерей, иерей,
кандидат богословия,
преподаватель Нижегородской Духовной Семинарии.*

Православная каноника и государственное право: точки соприкосновения.

Канонический свод сегодня считается важнейшим источником права Православной Церкви. В Уставе Русской Православной Церкви и Положении о церковном суде «каноны и правила святых апостолов, святых Вселенских и Поместных Соборов и святых отцов» называются в числе оснований для деятельности всей Русской Церкви. Тем не менее, в практике и церковно-административной деятельности и церковных судов и даже духовническом окормлении мы постоянно наблюдаем сознательное или нет, но игнорирование целого ряда канонов. Если в практике духовного окормления это может быть объяснено индивидуальным подходом, связанным с особенностями жизни того или иного христианина, то в церковном правосудии и администрировании такая несогласованность теории и практики сказывается губительно на общем состоянии правовой системы Церкви. Ситуативное несоблюдение канонических определений, зачастую дополняемое или прямо заменяемое индивидуальными решениями епископов Церкви, всегда приводят к потере авторитета самих канонов в церковном сообществе. Если канон не обязательно соблюдать органам или носителям церковной власти, то и для простых исполнителей: клириков, монашествующих и мирян, он теряет свое значение, священный характер. Здесь нарушение одного из общих правовых принципов – принципа юридического равенства, ведет к маргинализации правосознания в целом. Ситуация усугубляется тем, что сами современные нормативные документы зачастую расходятся с канонами в регулировании одних и тех же сфер общественной церковной жизни (Устав РПЦ 16.246 // Трулл. соб. 14; Устав РПЦ 16.25 // I Всел. соб. 15; Положение о церк. суде ст. 6. п. 1 // Григ. Нисс. 5).

Мы не можем игнорировать факт несовпадения элементов структуры церковных правоотношений, который очень просто объясняет причину несоблюдения канонических определений. Если в современной церковной структуре ряд правоотношений, которые мы находим в канонах отсутствует или же наличествует в измененном виде, то и применение правил, оформляющих данные правоотношения, не представляется возможным. Меняется структура церковного управления, меняется состав субъектов и объектов церковных правоотношений, это естественным образом ведет к смене субъективных прав и юридических обязанностей, однако, далеко не все случаи игнорирования норм канонического свода может объяснить подобный подход. Так некоторые требования канонов оказываются нарушенными по причине историче-

ской или церковно-практической целесообразности, как это произошло с возрастным цензом¹ посвящаемых в священный сан.

Кроме того, уважение к каноническому своду, предписываемое Уставом Русской Церкви в принципе исключает простое игнорирование «неудобного» правила. Канон, регулирующий определенную область общественных отношений в случае необходимости принятия нестандартного решения в данной сфере, должен получить официальное (легальное²) толкование, для того, чтобы любое несовпадение непосредственного смысла церковного правила и современной церковной практики могло получить авторитетное разъяснение компетентного церковного органа власти, каким, соответственно Уставу является Архиерейский собор (Устав РПЦ 3.5е). Речь здесь идет не о простом уважении к церковным законам, а скорее о соблюдении принципа законности, предполагающего в свою очередь совершение юридически значимых решений только на основании закона. Без последовательного соблюдения этого принципа мы не можем говорить о положительном функционировании правовой системы Церкви в целом.

Существующие проблемы Церкви в правовой сфере на самом деле не могут быть сведены исключительно к вопросам правовой культуры и правосознания церковного сообщества. Упадок правосознания имеет глубокие причины, связанные с переменами в основах церковной правовой системы. Для того чтобы составить об этом полноценное представление, необходимо определить исторические основы и основные элементы православной каноники.

В юридической науке выделяют два основных вида социального регулирования: индивидуальное и нормативное. Индивидуальное представляет собой упорядочение жизни людей при помощи разовых властных акций в виде велений, приказов, относящихся к конкретному лицу, конкретной ситуации. Нормативное же регулирование действует при помощи определения общих правил, распространяющихся на все случаи данного рода и на всех субъектов, оказавшихся в рамках действия данных правил. Благодаря наличию общих правил, общественная жизнь стабилизируется, снижается число случаев произвола. Впрочем, нормативное регулирование не лишено и недостатков: абстрактный характер снижает его актуальность, отрывает от реальных общественных процессов, поэтому нормативное и индивидуальное регулирование обычно употребляются в совокупности.

Для формирования любой правовой системы нормативное регулирование имеет особое значение: «Появление нормативного регулирования – поворотный пункт в становлении социального регулирования, качественный скачок в его развитии»,³ который может считаться моментом появления в обществе

¹ Условие, ограничивающее участие лица в осуществлении тех или иных прав.

² Устав РПЦ говорит о «компетентном» праве истолкования канонов и церковных законоположений.

³ Алексеев С. Теория государства и права. М., 1998. – гл. 4, § 4.

права в его широком понимании как совокупности **социальных норм, т.е. правил поведения, регулирующих отношения между людьми**. Для сообщества христиан существование формально определенных социальных норм стало необходимостью с самого начала, поскольку единственная форма существования такого сообщества – Церковь, а «ἐκκλησία, - как пишет проф. В. В. Болотов, - юридически определенное понятие. Христианство, как таковое, не может существовать отдельными верующими как особыми единицами; они должны собираться вместе; собрания верующих в церкви необходимы».⁴ Социальные нормы ранней христианской Церкви не представляли собой единого свода. Иудейская культурная платформа, собственное Откровенное Предание, а затем и римская правовая культура обусловили сложный состав нормоположений первых христианских общин.

«Собрание верующих в церкви» изначально основывалось на социальных нормах иудейской веры и иудейского народа, этому способствовал и моноэтнический состав ранней общины. Эти предписания носили характер нерасчлененных «мононорм», т.е. были и нормами организации общественной жизни, и правилами морали, и обрядовыми установлениями. Иудейские обычаи сыграли важную роль для становления христианской общины, поскольку явились для нее базовой правовой платформой, представив собственные нормативные основания. В дальнейшем, после прихода в Церковь верующих из языческих народов ситуация изменилась, однако, отдельные установления иудейского происхождения были приняты христианской Церковью и вошли в ее канонические установления (*ритуальная женская нечистота – Дионис. Алекс 2, Тимоф. Алекс. 6 и 7, запрет на двойное наказание – Ап. 25, почитание субботы наряду с воскресным днем – Ап. 64, Трулл. 55, запрет ростовщичества – Ап. 44, I Всел. соб. 17 и пр.*).⁵ После того, как в 51 г. Апостольский собор определил «не возлагать на вас (христиан) никакого бремени более, кроме сего необходимого: воздерживаться от идоложертвенного и крови, и удавленнины и блуда, и не делать другим того, чего себе не хотите» (Деян. 15:28-29), практически все ветхозаветные предписания и обычаи утратили юридическую силу для новообращенных христиан. Поэтому можно полагать, что сохранившиеся предписания и обычаи иудейского происхождения вошли в христианские нормоположения не положительным принятием, а скорее имплицитно, как устойчивые на то время обычаи иудейского народа, соблюдавшиеся и

⁴ Болотов В. В. Лекции по истории Древней церкви. Т. 2. С-Пб., 2006. – С. 25.

⁵ Отголоски иудейского влияния на право христианской Церкви прослеживаются и по сей день. Так отсутствие в судебном процессе законного представительства было свойственно суду синедриона, тогда как в римском праве в христианскую эпоху существовал институт представителей в суде, какими были когниторы, прокураторы и кураторы. Даже глубокое и всестороннее влияние (ср. брачное право) светского права на церковное в Византии не способствовало изменению этой стороны судебного процесса. Кроме того, применение клятвы в судебном процессе, свойственное для римского права, опять-таки не повлияло на судебный процесс христианской Церкви, для которой ближе оказался иудейский запрет на принесение клятвы в судебном разбирательстве.

первыми христианами. Таким образом, из ветхозаветных предписаний силу сохранили лишь те, которые были воспроизведены в источниках новозаветного периода.

Помимо иудейских обычаев, христианские общины регулировались и собственными нормами, устанавливаемыми непосредственно апостолами и их преемниками - первыми епископами. Первые нормы собственно христианского происхождения определялись уже властными субъектами, а потому, несмотря на немногочисленность и разрозненность, принципиально отличались от иудейских обычаев по своему статусу. Апостолами и их преемниками, как источниками и носителями власти были приняты новые установления, как индивидуального, так и общественного порядка, которые регулировали жизнь христианских общин и их членов. Эти установления действительной власти, в отличие от древних обычаев, носили явный и открытый характер и отличались от положений нравственных и обрядовых 1) властным происхождением, 2) прямым установлением первичного порядка (*повиновение наставникам – Евр.15:17, содержание клира от служения – 1Кор.9:13-14, установление порядка семейных отношений – Кол.3:18-21, 1Петр.3:1,2, отношение к государственной власти – Мф.22:21, Рим.13:1-7, отношение к еретикам – 1Кор.5:9-13; 1 Ин.)* и 3) необходимых процедур (*отлучение – Мф. 18: 15-17, участие свидетелей в разбирательстве – 1Тим.5:19, развод – Мф.5:32, 1Кор.7:10-13*), 4) властной защитой. Так, хотя власть в ранней Церкви не имела специальных принудительных учреждений, она была вполне реальной, способной к эффективному принуждению за нарушение существующих правил поведения. Наказание обычно следовало за совершенные проступки, и оно могло быть достаточно весомым, как, например, изгнание (отлучение) коринфского кровосмесника (1Кор. 5:5). Кроме того, все церковные Таинства, как источники sacramентальной жизни Церкви, были также установлены апостолами. Важной особенностью ранних собственно христианских установлений явилось то, что значительное их количество было зафиксировано письменно и сохранилось в текстах Священного Писания и Предания. В то же время эти нормы, впоследствии явившиеся источниками для многих канонических определений, мы не можем считать собственно правовыми нормами, поскольку в них нет четко определенных прав и обязанностей, не прослеживается структура правовой нормы, кроме того, ранняя Церковь не имела системы властных органов, обеспечивающих системное восприятие новых нормоположений, их стабильное воспроизводство и обеспечение (защиту).

Встреча с римской правовой культурой открывает новый - завершающий этап формирования канонического права как правовой системы. Изначальное восприятие положений римского права было некритичным, христиане естественным образом жили по законам Рима даже в тех моментах, которые позднее будут признаны сомнительными (брачные обряды). Со временем неприемлемой была признана обрядовая сторона, имевшая непосредственную

связь с язычеством, тогда как римское право в период гонений воспринималось как единственно возможная платформа для переговоров с гонителями, в нем пытались найти защиту христианские апологеты, и в целом, оно было воспринято христианской Церковью. Так в канонических определениях мы встречаем немало правил, заимствованных из Дигест и Институций, Императорских законов. Впрочем, основное значение римского права в формировании христианской каноники было скорее не содержательным, а системообразующим. Эпизодические заимствования римских правовых установлений в каноническом своде были малыми проявлениями слияния христианских церковных интересов и римской правовой формы. Как многие граждане Римской империи считали ее Вселенной (οικουμένη), так и римское право признавалось Правом самим по себе, а его принципы и установления – общеправовыми. Поэтому христианские юристы без стеснения, не утруждая себя ссылками, воспроизводят элементы римской правовой доктрины, как напр., определение брака Модестина (Шв.), определение права учителя Модестина – Ульпиана (170-228гг.), вошедшие в Дигесты, а затем и в кодексы христианской Церкви, положение Цельса (67-130гг.),⁶ вошедшее в качестве принципа в 17 пр. Двукратного собора, положение Ульпиана,⁷ которое составило II титул 2 книги Дигест и вошло в качестве принципа обвинения в 6 пр. II Вселенского собора, положение Павла (Шв.) из I титула 23 книги Дигест,⁸ составившее основу 38 пр. Василия Великого и т.д. Полноценное усвоение положений и принципов римской правовой доктрины наделило церковные установления системной базой, передало им более совершенную правовую форму и структуру, оформило базовые доктринальные основания для правового оформления церковной системы власти, ее институтов, а значит, создало предпосылки для возникновения собственно церковного – канонического права.

Возникновение права – закономерное следствие усложнения взаимосвязей в обществе, более совершенный способ разрешения социальной напряженности. Обычаи перестали поддерживать общественный порядок, таким образом, появилась объективная необходимость в возникновении новых регуляторов общественных отношений. «В отличие от обычаев правовые нормы фиксируются в письменных источниках, содержат четко сформулированные дозволения, обязывания, ограничения и запреты. Изменяются процедура и порядок обеспечения реализации правовых норм, появляются новые способы контроля за их выполнением»:⁹ если раньше таким охранителем порядка была

⁶ «На основании того, что может произойти случайно или однократно, права не устанавливаются»

⁷ «Какие правовые положения кто-либо устанавливает в отношении другого, такие же положения могут быть применены и в отношении его самого»

⁸ «При брачном сговоре также следует требовать согласия тех, у кого (оно) требуется при заключении брака. Однако Юлиан пишет, что отец дочери, (о предстоящем браке которой совершается сговор), всегда признается давшим согласие, если он не выражает ясно своего несогласия»

⁹ Алексеев С. Теория государства и права. М., 1998. – гл. 5, § 2.

христианская община, ее предстоятели, то в условиях сложившейся церковной системы функции формирования и обеспечения правопорядка переходят к органам церковной власти: соборам, синодам, коллегиям, церковному суду.

Такая система церковного права сложилась в христианской Византии и на зависимые от нее Церкви она наложила свой отпечаток. На канонической территории Русской Церкви византийская каноника появилась очень рано, поскольку Номоканон Иоанна Схоластика стал одним из первых памятников христианской церковной письменности, переведенных на славянский язык. Так в паннонском житии равноап. Мефодия говорится об этом прямо: «тѣгда же и номоканон, рекъше закону правило и отеческия книги преложи».¹⁰ Переводы номоканонов обеспечили систематическое влияние не только лишь церковных норм, но и всей византийской системы в целом на право Древней Руси. Уже в Русской Правде, приписываемой традиционно Ярославу Мудрому, исследователи находят элементы византийского права. После Владимирского собора 1274 г., когда Архиерейским собором Русской Церкви была принята в качестве источника канонического права Кормчая книга свт. Саввы Сербского, в различных списках Кормчей стали появляться переводы византийских сборников Эклоги и Прохирона, Новелл Юстиниана и Алексея Комнина (о браке). Влияние византийской правовой системы позволило транспонировать и на земли русских князей сходную структуру взаимодействия церковной и светской власти. Этому же способствовало появление идеи правопреемства от Византии.¹¹ В результате чего право канона смогло сохранить полноценную связь с правом государственным. Последнее в своем естественном развитии составило доктринальную, а частично и нормативную базу для правоприменения канонических норм.

В синодальную эпоху вместе со структурой церковного управления церковное законодательство было полноценно вставлено в общую систему государственного законодательства. Пересечений существовало множество и для этого были основания. Так при поступлении на государственную службу было необходимо совершить церковную присягу, Церковь вела акты гражданского состояния, все вопросы семьи и бракоразводные процессы разрешались в церковном суде. Свод законов Российской Империи начинается с описания правового режима совершения брака между лицами православного исповедания.¹² Перечисление наказаний за преступления, начинается, как в «Уложении

¹⁰ Житие Мефодия по рукописи XII века Сборника Успенского Собора / Труды славянской комиссии. Л., 1930. Т. 1. – С. 77.

¹¹ Идея преемства византийского церковно-государственного лидерства может производиться еще от Константинопольского патр. Иеремии II, который во время общения с первым русским патриархом свт. Иовом он произносит такие слова: «во всей подсолнечной один благочестивый царь, а впредь что Бог изволит; здесь подобает быть вселенскому патриарху, а в старом Цареграде, за наше согрешение, вера христианская изгоняется от неверных турок». - Цит. по Карташев А.В. Очерки по истории Русской Церкви. М., 1991. Т. 2. - С.123. Для осуществления этой идеи царь Иван III в 1472 г. женился на Зое Палеолог – племяннице последнего византийского императора.

¹² Свод законов гражданских/Свод законов Российской империи. Т. 10. С-Пб., 1912. С. 1.

о наказаниях» 1885 г.,¹³ так и в «Уголовном уложении» 1909 г.,¹⁴ с представления преступлений против веры.¹⁵ Интересно и то, что в «Уложении о наказаниях» особо оговариваются составы преступлений, предполагающих в дополнение к государственному наказанию также наложение церковного прещения.

Все изменилось с наступлением революции. Изменение политического строя привело к кардинальным переменам во всем строе жизни российского общества. Слом монархической системы государственного управления привел к переосмысливанию самой системы функционирования общества в политическом и правовом ключе. Политический патернализм Российской империи, проявления которого исследователи¹⁶ видят в т.ч. и в «идеологическом догматизме» советской юриспруденции, «вождизме» советской политической действительности по окончании сталинской эпохи постепенно стал сходить на нет. В процессе кодификации 1950-60-х гг. были выделены в качестве важнейших ряд правовых принципов, в т.ч. принципы законности и демократизма, юридического равенства, гласности судопроизводства, независимости судей и пр. и введены в законодательство.¹⁷ Несмотря на проблематичное и не всегда последовательное правоприменение, их появление стимулировало переосмысление роли человека и его прав в общественной жизни. Последующие перемены в политической жизни страны: перестройка и развал СССР привели в поле правосознания идею гуманизма и правового государства. При всей очевидности несоответствия действительности таким высоким идеям, понимание положительного значения верховенства права и закона на примере западных стран сохранило и для России эту идею как необходимую для осуществления. Россия как правовое государство, поэтому, упоминается уже в 1-й статье Конституции.

Все эти перемены привели к тому, что церковная каноника, дистанцированная от процессов развития политико-правовой системы общества с 1917-

¹³ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных / Свод законов Российской империи. Т. 15. С-Пб., 1912. С. 23-27.

¹⁴ Там же. С. 246-250.

¹⁵ Там же. С. 23.

¹⁶ См. напр., Алексеев С.С. Теория права. М., 1995. – С. 16 и дал.

¹⁷ См. подробно Биюшкина Н.И. Принципы советского права в контексте кодификации 1950-х – 1960-х гг. // GENESIS: Исторические исследования. 2015, № 6: «В соответствии с Основами уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, принятыми в 1958 г., были закреплены такие важнейшие принципы уголовного судопроизводства как *неприкосновенность личности* (ст. 6), *недопустимость привлечения в качестве обвиняемого иначе как на основаниях и в порядке, установленных законом*» (ст. 4), *осуществление правосудия только судом* (ст. 7), *равенство граждан перед законом и судом* (ст. 8), *участие народных заседателей и коллегияльность рассмотрения дел в суде* (ст. 9), *независимость судей и подчинение их Закону* (ст. 10), *гласность судопроизводства* (ст. 12), *всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела* (ст. 14), *обеспечение обвиняемому права на защиту* (ст. 13). Основами уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958г. также был введен институт общественных обвинителей и общественных защитников (ст. 41)».

18-х гг. потеряла системную базу. Правовая система Византии или Российской империи ушла в небытие и немногочисленные разрозненные канонические определения оказалось невозможно собрать на практике, особенно учитывая малочисленное количество процессуальных норм в их общем числе. Для тех материальных норм канонов, которые было необходимо применять, по большей части не находились легальные процессы (чит. процессуальные нормы) реализации. Знать, что должно, - мало, нужно еще понимать, как это должно необходимо осуществить. Кроме того, сами канонические нормоположения в конечном итоге оказались крайне малочисленны. Так в сумме все каноны насчитывают порядка 697-ми правил, это состав небольшого кодекса. Для сравнения ГК РФ насчитывает более полутора тысяч статей. Разумеется, полностью строить церковную жизнь по канонам попросту не представлялось возможным, а потому гигантские лакуны в церковном законе, сопоставимые по объему охватываемых общественных отношений с самим законом, пришлось заполнять индивидуальными распоряжениями носителей церковной власти. В этой ситуации авторитет «беспомощных» канонов резко падает, опускаясь на уровень значимости правового обычая.

Для восполнения законодательных пробелов Русской Церковью был принят ряд важных инициатив, еще в советское время приведших к появлению современных нормативных документов, а именно Устава об управлении РПЦ 1988 г. и его редакций. После Архиерейского собора 2000 г. начинается время нового церковного нормотворчества. Появляется ряд Концепций, Положений Церкви и Положений, в т.ч. и особенно значимое – Положение о церковном суде 2008 г., завершившее церковно-судебную реформу, начатую еще в 2000 г. Само по себе появление целого ряда новых документов – несомненно, явление положительное, однако, заменить таким образом утерянную правовую систему можно спустя не одну сотню лет, когда по прошествии продолжительного времени удастся накопить достаточное количество и нормативного материала и практического опыта в упорядочении жизни церковного сообщества.

В этой связи логичным для реализации представляется переход канонического достояния на уже сложившуюся исторически новую систему права России. Насколько это возможно – вопрос открытый. Появление уже в советские годы новых принципов права значительно развело светское право и православному канонику. Последовательный идейный патернализм канона и идея светского гуманизма имеют между собой немного точек соприкосновения. Идейные противоречия, тем не менее, не исключают постепенного вхождения Церкви в новые правовые реалии российской действительности. В новых документах Церковь принимает решения, необходимые для сохранения отдельных элементов канонического строя. В то же время значительные части документов Церкви прямо копируют составляющие нормативной базы государства или же содержат на него прямые ссылки (Положение о церк. суде ст. 6. п.

1 // КоАП РФ 2.1, УК РФ 14 – виновность правонарушителя; ГПК РФ 69 // Положение о церк. суде 18; ГПК РФ 77 // Положение о церк. суде 20 – аудио и видео-записи; КЗоТ 19 // Положение о мат. и соц. поддержке I; порядок работы соборов в Уставе РПЦ, структура Положения о церк. суде, судебные инстанции в Уставе и Положении о церк. суде, понятие о документах и доказательствах в Положении о церк. суде и под.).

Этот процесс сегодня происходит имплицитно, исподволь, определяясь пока практическим удобством копирования государственных нормативных документов. Тем не менее, за юридическими дефинициями и конструкциями в правовую действительность Русской Церкви проникают и новые принципы (напр., презумпция невиновности) и правовые возможности. Учитывая такие реалии новейшей правовой церковной действительности мы можем прямо говорить о том, что в Русской Церкви происходит последовательный переход канонического регулирования церковной жизни на новую правовую платформу, какой является правовая система Российского государства.

Литература

1. Дигесты Юстиниана. В 8 т. М., 2002—2006.
2. Гражданский кодекс РФ. М., 2017.
3. Гражданский процессуальный кодекс РФ. М., 2017.
4. Книга правил. С-Пб., 1993.
5. Кодекс законов о труде РФ. М., 2017.
6. Кодекс об административных правонарушениях РФ. М., 2017.
7. Свод законов гражданских / Свод законов Российской империи. Т. 10. С-Пб., 1912. С. 1.
8. Уголовный кодекс РФ. М., 2017.
9. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных / Свод законов Российской империи. Т. 15. С-Пб., 1912.
10. Устав Русской Православной Церкви: <http://www.patriarchia.ru/db/document/133114/>
11. Алексеев С. Теория государства и права. М., 1995.
12. Биюшкина Н.И. Принципы советского права в контексте кодификации 1950-х - 1960-х гг. // GENESIS: Исторические исследования. 2015, № 6.
13. Болотов В. В. Лекции по истории Древней церкви. Т. 2. С-Пб., 2006.
14. Житие Мефодия по рукописи XII века Сборника Успенского Собора / Труды славянской комиссии. Л., 1930. Т. 1. – С. 77.
15. Карташев А.В. Очерки по истории Русской Церкви. М., 1991. Т. 2.
16. Покровский И.А. История Римского права. С-Пб., 1999.